МИРОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ

Игорь БЕЛОБОРОДОВ

Кандидат социологических наук, доцент,
Приднестровский государственный университет,
г. Тирасполь, Республика Молдова
e-mail: semyainfo@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7486-3712>

Валентина ТЕОСА

Доктор хабилитат политических наук, профессор,
Молдавский государственный университет, Кишинев, Республика Молдова
e-mail: val.teosa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3430-2803>

Статья раскрывает первоосновы формирования глобальной политики народонаселения на примере самых ранних цивилизаций в истории человечества. Вопреки устоявшимся стереотипам о возникновении первых образцов указанной политики в период древнекитайской и древнегреческой цивилизаций, в статье даётся аргументированное обоснование более раннего зарождения, становления и динамичного развития практики политико-правового регулирования семейно-демографических процессов. Отдельное внимание авторы уделяют терминологическим основам и специфике интерпретации ключевых понятий в контексте предметного поля статьи. Используя широкий пласт источников, включающих исторические свидетельства, произведения искусства, утверждения античных авторов (поэтов и историков), поучения, трактаты, своды (кодексы) законов и т. д., в статье делается вывод о полноценном становлении в рассматриваемый период нормативных регуляторов брачности, разводимости и репродуктивного поведения, определяющих в конечном итоге режим воспроизводства населения. В ходе анализа первичных нормативных практик в сфере регулирования семейно-демографических процессов доказательно демонстрируется соответствие древних способов воздействия на компоненты демографической динамики современному пониманию сущности и содержания политики народонаселения в её глобальном международном значении. Демонстрируя системный характер древних образцов указанной политики, авторы приходят к структурному изложению её основных принципов, история которых восходит к появлению феномена государственности.

Ключевые слова: народонаселение, политика народонаселения, мировая демографическая политика, генезис демографической политики, воспроизводство населения.

POLITICA DEMOGRAFICĂ MONDIALĂ: ORIGINI ȘI EVOLUȚIE

Articolul dezvăluie principiile fundamentale ale formării politicii globale demografice pe exemplul primelor civilizații din istoria omenirii. Contrar stereotipurilor stabilite cu privire la apariția primelor exemple ale acestei politici în perioada civilizațiilor antice chineze și Greciei antice, articolul oferă o justificare motivată pentru originea

anterioară, formarea și dezvoltarea dinamică a practicii reglementării politice și juridice a proceselor familiale și demografice. Autorii acordă o atenție deosebită fundamentelor terminologice și specificului interpretării conceptelor cheie în contextul subiectului articolului. Folosind o gamă largă de surse, inclusiv dovezi istorice, opere de artă, afirmații ale autorilor antici (poeți și istorici), învățăături, tratate, coduri de legi etc., autorii concluzionează că reglatorii normativi ai căsătoriei erau pe deplin formați în perioada examinată, rata divorțului și comportamentul reproductiv, care determină în cele din urmă modul de reproducere a populației. În cursul analizei practicilor normative primare în domeniul reglementării proceselor familiale și demografice, corespondența metodelor antice de influențare a componentelor dinamicii demografice la înțelegerea modernă a esenței și a conținutului politicii populației în planul său internațional global, sensul este demonstrat. Demonstrând natura sistemică a eșantioanelor antice ale acestei politici, autorii ajung la o prezentare structurală a principiilor sale de bază, a căror istorie datează de la apariția fenomenului statalității.

Cuvinte-cheie: populație, politica populației, politică demografică mondială, istoria politicii demografice, reproducerea populației.

WORLD DEMOGRAPHIC POLICY: ORIGINS AND EVOLUTION

The article reveals the fundamental principles of the origin and development of world population policy on the example of the earliest civilizations in the history of mankind. Contrary to the popular stereotypes about the emergence of the first practices of this policy during the period of ancient Chinese and ancient Greek civilizations, the article provides a reasoned justification for the earlier origin, formation and dynamic development of the practice of political and legal regulation of family and demographic processes. The authors pay special attention to the terminological foundations and the specifics of the interpretation of key concepts in the context of the subject field of the article. Using a wide range of sources, including historical evidence, works of art, statements of ancient authors (poets and historians), teachings, treatises, codes of laws, etc., the article concludes that the normative regulators of marriages, divorces and reproductive behavior were fully formed during the period under review. Analysis of the primary normative practices in the field of regulation of family and demographic processes show the clear link of ancient methods of influencing the components of demographic dynamics with the modern understanding of the essence and content of population policy in its global international meaning. Demonstrating the systemic nature of the ancient samples of this kind of state policy, the authors come to a structural presentation of its basic principles, the history of which dates back to the emergence of the phenomenon of statehood.

Keywords: population, population policy, world demographic policy, history of population policy, population reproduction.

POLITIQUE DÉMOGRAPHIQUE MONDIALE: ORIGINES ET ÉVOLUTION

L'article révèle les principes fondamentaux de la formation de la politique le monde démographique sur l'exemple des premières civilisations de l'histoire de l'humanité. Contrairement aux stéréotypes établis sur l'émergence des premiers exemples de cette politique à l'époque des civilisations chinoises et grecques anciennes, l'article fournit une justification raisonnée de l'origine, de la formation et du développement dynamique antérieurs de la pratique de la régulation politique et juridique des processus familiaux et démographiques. Les auteurs portent une attention particulière aux fondements terminologiques et aux spécificités de l'interprétation des concepts clés dans le contexte du domaine de l'article. En utilisant un large éventail de sources, y compris des preuves historiques, des œuvres d'art, des déclarations d'auteurs anciens (poètes et historiens), des enseignements, des traités, des codes (codes) de lois, etc., l'article conclut que les régulateurs normatifs du mariage étaient pleinement formé au cours de la période considérée,

le taux de divorce et le comportement reproducteur, qui déterminent en fin de compte le mode de reproduction de la population. Au cours de l'analyse des pratiques normatives primaires dans le domaine de la régulation des processus familiaux et démographiques, la correspondance des anciennes méthodes d'influence sur les composantes de la dynamique démographique à la compréhension moderne de l'essence et du contenu de la politique démographique dans son contexte international global. le sens est démontré. Démontrant le caractère systémique des échantillons anciens de cette politique, les auteurs en arrivent à une présentation structurelle de ses principes de base, dont l'histoire remonte à l'émergence du phénomène de l'État.

Mots-clés: *population, politique démographique, politique démographique mondiale, histoire de la politique démographique, reproduction de la population.*

Введение

Сегодня трудно назвать сферу общества, которая так или иначе не была бы обусловлена демографической динамикой. Последняя все чаще выступает предметом оживленных дискуссий в рамках международных институтов, вовлекая в дебаты политиков, экспертов, представителей бизнеса, лидеров мнений и средства массовой информации. Демографические процессы и прогнозы населения в глобальном контексте приобретают приоритетное значение и формируют особый кластер в системе международных отношений. Демографические вызовы носят поистине глобальный характер, однако оценка одних и тех же процессов в данной сфере зачастую трактуется диаметрально противоположным образом. Одни эксперты убежденно (не путать с «убедительно») заявляют о грядущем «ужасе перенаселения», другие – резонно предупреждают об угрозе глобальной депопуляции. Опыт Молдовы, как и многих других европейских государств, свидетельствует о том, что негативная демографическая ситуация со временем ведет к устойчивой убыли населения и чревата драматическими социально-экономическими последствиями.

Мировая политика народонаселения, от которой напрямую зависят национальные решения и демографическая картина будущего, на наш взгляд, оказалась в «ловушке» противоречий и устаревших подходов. Между тем, накопленный

человечеством опыт регулирования демографических процессов имеет богатую историю, которая сегодня в значительной мере проигнорирована. Однако, без полноценного глубокого изучения зарождения, становления и развития демографической политики научное сообщество и управленческий сегмент обречены на фрагментарное восприятие. Полагаем, что используемый в процессе исследования цивилизационный подход лучшим образом позволяет раскрыть фундаментальные основы появления политики, связанной с регуляцией демографических процессов. Восполняя явный недостаток научной информации об истоках возникновения и формирования политики народонаселения, мы предлагаем на суд читателей статью, которая, на наш взгляд, вправе претендовать на статус условной «точки отчёта» в части зарождения и начала становления такого уникального социально-политико-исторического феномена как политика народонаселения (демографическая политика).

Ключевые термины и интерпретации

Исходя из предметного поля настоящей статьи, её терминологические основы вытекают из определения таких понятий как «мировая демографическая политика» и «политика народонаселения» (*population policy*).

При исследовании различных аспектов и уровней управления (глобальный, региональный, национальный или локальный) демографи-

ческими процессами в научном обороте параллельно используются два близких термина: политика народонаселения (политика населения) и демографическая политика. Среди советских и российских исследователей нет единства мнений относительно сходства, различия и взаимосвязи указанных понятий. Начиная, как минимум, со второй половины XX века и по настоящее время в ряде русскоязычных теоретических статей и монографий указывается на отсутствие синонимичности и необходимость их смыслового разграничения и отдельного рассмотрения [1, 2]. Долгое время в отечественной научной литературе понятию «политика народонаселения» в большинстве случаев придавали широкий смысл, включая, помимо демографических процессов, иные качественные и социально-экономические аспекты [3].

Другая группа ученых, как в советский, так и в современный период употребляли оба указанных термина в синонимичном значении, либо прямо указывали на близость и сопоставимость данных понятий [4, 5, 6, 7]. Примечательно, что наиболее близкими по значению данные термины названы и в крупнейшей профильной русскоязычной энциклопедии, где также сказано, что в узком смысле оба термина используются как синонимы [8]. Более того, в Большой российской энциклопедии оба термина даются как синонимы [9] без дополнительных оговорок.

Вместе с тем, в англо- и испаноязычной научной литературе, в международных документах, рекомендациях и аналитических докладах ООН в основном используется термин «политика населения» (*population policy*, *politica de poblacion*) [10]. При этом в рамках настоящей статьи принципиально важно, что в деятельности профильных международных институций, включая ключевые международные мероприятия, в большинстве случаев в оригинальном изложении (на

английском языке) используется в разных вариациях терминология, связанная именно с политикой в области населения (*population policy* [11], *population policies* [12], *population-related policies* [13]), в то время как словосочетание “demographic policy” («демографическая политика») в подобных источниках встречается чрезвычайно редко.

Кроме того, было неоднократно выявлено, что при публикации отчетов, докладов и проблемных новостных статей на официальных профильных ресурсах ООН термин “*population policies*” в англоязычном оригинальном тексте переводится на русский язык как «демографическая политика» [14, 15].

В настоящей работе в целях терминологической унификации, исходя из наблюдаемого отождествления при использовании и интерпретациях политики народонаселения (политики населения) и демографической политики, в т. ч. в ее международном и глобальном аспектах, оба указанных термина представлены в синонимичном контексте. При этом, в соответствующих фрагментах данной статьи для уточнения политического воздействия непосредственно на институт семьи, как первоисточник демографических событий и преобразований, используется понятие «семейно-демографическая политика», употребление которого было обосновано в прежних работах авторов и других исследователей [3, с. 31; 16; 17].

Переходя к интерпретации указанных терминов отметим, что смыслообразующим признаком политики народонаселения (политики населения) в определениях ведущих международных научно-аналитических центров, специализирующихся на проблемах демографии и демографической политики, является намерение государства (властей, правительства) повлиять на те социальные перемены, от которых напрямую за-

висит режим воспроизводства населения – численность, темпы роста, характер расселения и структура населения [18]. Такая интерпретация прямым образом корреспондирует с устоявшимся определением термина «**демографическая политика**», представленном в русскоязычном научном пространстве, где объектом указанной политики также выступает воспроизводство населения [3, с. 24 – 25].

На практике это означает, что управленческое воздействие в рамках реализации той или иной модели демографической политики осуществляется посредством регулирования тех демографических процессов, от которых напрямую зависит воспроизводство населения. В строго демографическом смысле, которого вслед за предыдущими исследователями [19, 20, 21] придерживаются и авторы настоящей работы, воспроизводство населения является итоговым балансом процессов рождаемости и смертности. Однако, добавим, что принципиальное влияние на демографическое воспроизводство населения оказывают и такие компоненты демографической динамики как брачность и разводимость, что также принималось нами во внимание при исследовании исторических источников.

Между тем, авторы солидаризируются с той группой демографов, которые относят к компонентам, формирующим демографическое воспроизводство, только процессы естественного движения населения (рождаемость, смертность, брачность, разводимость), исключая из них миграцию, которую мы рассматриваем в качестве внешнего фактора по отношению к демографической динамике в изложенном выше понимании.

Исходя из вышесказанного в концептуальном и теоретико-управленческом плане под демографической политикой (политикой народонаселения/населения) в настоящей работе понимается управленческое воздействие властных

субъектов на режим воспроизводства населения посредством комплексного регулирования процессов рождаемости, смертности, брачности и разводимости.

Зарождение и формирование политики народонаселения в древние времена

Исследование в рамках данной работы охватывает хронологический интервал, который, по мнению авторов, можно условно классифицировать как этап зарождения и первичного развития (становления) политики народонаселения. В своих цивилизационно-исторических границах данный период отмечен ключевыми, по мнению авторов, вехами формирования указанной политики и включает определяющие политико-правовые достижения Древнего Египта, а также шумерской и древневавилонской эпохи.

Анализ исторических источников, проведенный в рамках написания настоящей статьи, показал, что демографическое развитие и меры, связанные с его регулированием, заботили правителей и мыслителей с самых древних времен. Первые концепты регулирования брачно-семейных отношений, рождаемости, а с ними и воспроизводства населения, стали появляться отнюдь не в Древнем Китае и античных полисах Древней Греции, как это указано во многих академических источниках [6, с. 9; 7, с. 13 – 14; 22; 23] и в целом ряде научных статей по данной проблематике [24, 25, 26]. Это произошло гораздо раньше – в Древнем Египте и Шумере, породившем первые государственные образования в истории человечества.

Хотя до наших дней дошли далеко не все письменные древнеегипетские, шумерские и иные источники, но по уцелевшим фрагментам текстов, можно утверждать, что уже тогда были четкие представления и нормы, регулирующие брачно-репродуктивное поведение и семейные

отношения. В целом доминирующие представления о семье, браке и деторождении, а с ними и социально-правовые нормы, в рассматриваемый период справедливо отнести к пронаталистским, т. е. направленным на рост населения и повышение рождаемости. В древнеегипетской и шумерской цивилизациях доминировала про семейная традиционная мораль, определявшая дух и содержание законов (установлений) того времени. Семья была непререкаемым социальным фундаментом первых человеческих цивилизаций, а деторождение считалось естественной следствием и целью брака, а также «благословением свыше».

Как указывает в своем известном труде немецкий египтолог А. Эрман, иметь детей у древних египтян считалось величайшим счастьем. Мать заботилась о ребенке в годы его младенчества, три года кормила его грудью и носила на шее [27]. Культ семьи и детей в древнеегипетской культуре убедительно подтверждается на уровне искусства: семья считалась ценностью и величайшим благом у всех народов Ближнего Востока, но только в Египте мы можем встретить такое количество семейных групповых портретов [28].

Поскольку в Древнем Египте увеличение населения считалось полезным для государства, ребенок был основой упования египтян. Египтяне особенно глубоко понимали ценность детства, видели в нем сакральную глубину. Наличие детей в семье увеличивало респектабельность супружеской пары в глазах общества, отсутствие детей было позором, как и в других древних обществах. Сама египетская земля, по Гомеру, была богата детьми, которых не убивали, ни выбрасывали на произвол судьбы, что было нередким явлением в древнем мире. Египтяне, в отличие от греков и римлян считали, что оставлять детей на произвол судьбы (например,

выбрасывать нежеланных новорожденных девочек) чудовищно [29].

Примечательно, что дети в Древнем Египте, в отличие от соседних народов, следовавших иным религиозным традициям, никогда не приносились в жертву богам на протяжении всех трех тысячелетий его истории. Более того, за убийство ребенка полагалось наказание по закону. Уже в утробе матери ребенок считался живым существом, он рос до рождения под покровительством бога или богини. Причем, у египтян существовали божества, ассоциируемые с беременностью и родами, а сами понятия «дитя» и «божество» были почти синонимичны. [29, с. 53, 54]

Как сообщал античный историк Диодор Сицилийский, ни один египетский ребенок, даже ребенок рабыни, не считался «незаконнорожденным», так как мать считалась источником питания зачатого ребенка, а его творцом считался отец [29]. По утверждению упомянутого выше античного историка, даже смертная казнь механически отменялась, если устанавливалось, что осужденная преступница оказывалась беременной [30].

Особого внимания в данном контексте требует тот факт, что положительный демографический императив, характерный для многовековой древнеегипетской культуры, имел место в довольно противоречивых по современным представлениям условиях – на фоне кратного демографического роста. Так, египтолог Ж. Веркуттер характеризует результирующую динамику древнеегипетского населения как «значительный демографический подъем» – только за эпоху Древнего царства (примерно 2707 – 2150 до н. э) население выросло вчетверо [31]. Очевидно, что ментальные и социально-культурно-религиозные предпосылки того периода определяли демографическую динамику и нормы её

регулирования в гораздо большей степени, чем материально-экономические, ресурсные и иные факторы. Между тем, упомянутый выше автор, ссылаясь на невозможность определения демографических вариаций в рассматриваемый период, фактически констатирует демографический прогресс в его взаимосвязи с постоянным ростом ресурсов Египта в эпоху фараонов. [31, с. 54]

В одном из древнейших текстов человечества, Поучении Птаххотепа (ок. 2375 года до н. э.), имеется цитата-предостережение, отражающая социальное представление древних египтян о деторождении как о положительной норме: «Не предъявляй претензий к тому, кто не имеет потомства, не унижай и не хвастайся (своими); бывает велико несчастье отца (букв. «велик отец в качестве несчастного (бывает) мать родившая, (но) другая счастливее ее»). Там же мы встречаем еще один яркий образец древнего фамилизма наряду с негативным отношением к разводам в сочетании с констатацией нормативной внутрисемейной иерархии: «Если ты значителен, да обустроишь ты дом свой, да любишь ты жену свою пылко. Наполняй живот ее, одевай спину ее, масло – лекарство/средство (ухода) для тела ее. Радуй ее (букв. «расширяй сердце ее»), пока живешь, то пашня благодатная для господина своего. Не разводишься с ней, (но) удаляй ее от власти (в семье), обуздывай ее: око ее, (когда) смотрит она, – это буря ее, (и) таким образом будет жить она долго в доме твоём» [32].

Имеются сведения о том, что брачный возраст у древних египтян был очень ранним. Большинство мужчин вступало в брак в возрасте около 20 лет, в то время как девочек обычно выдавали замуж вскоре после достижения ею зрелости (наступления менархе), между 12 и 14 годами, но были случаи и более раннего вступления в брак. Таким образом, девушка была защищена

от недозволенных половых связей, а период ее фертильности был максимален [33]. По другим данным, брачный возраст мужчин в Древнем Египте предположительно варьировал в границах между 16 и 20 годами, в то время как девушек, вероятно, считали готовыми к браку после первой менструации [34].

Египетская семья была нуклеарной и моногамной, она состояла из отца, матери, детей, а также престарелых или больных родителей супружеской пары и сестер, не достигших брачного возраста. Каждая семейная пара должна была иметь несколько детей, желательно мальчиков. Наличие детей в семье увеличивало респектабельность супружеской пары в глазах общества, отсутствие детей было позором. Древние египтяне считали намеренный отказ от рождения детей эгоистичным и осуждали его. Бесплодие не только вызывало осуждение общества, оно еще было знаком божественного гнева, и поэтому молодые женщины очень боялись оказаться бесплодными. Мужчина также должен был проявить свою мужественность, зачав как можно больше детей. При этом бездетности страшились, так как из-за отсутствия детей прерывался заупокойный культ, являвшийся ключевым для мировосприятия египтян. «Нет у меня силы (забеременеть), нет у меня сына-защитника» – так звучит отрывок из «письма мертвым», написанного молодой бесплодной женщиной, которая писала своему умершему прадеду в надежде зачать от своего мужа [33, с. 51-52]. Примечательно, что в «письмах к мертвым», представляющим собой практику обращения древних египтян к умершим предкам, зафиксированную в хронологическом промежутке с XXII по VII вв. до н. э., наиболее распространенными поводами для обращений, наряду с вопросами собственности и болезни, были просьбы, касающиеся фертильности [35].

Однако, следует отметить и тот факт, что женщины Древнего Египта знали о контрацепции. До нас дошли некоторые рецепты контрацептивных средств. Некоторые из медицинских контрацептивов имели эффект, подобный контрацептивным гелям, используемым сегодня (экскременты крокодила в молоке, загустевший сок акации, богатый молочной кислотой, обладающей спермицидным эффектом, а также финики, сок рожкового дерева, мед (возможно, действие его обусловлено осмотическим эффектом), ферментированная паста из растений (спермицидное действие молочной кислоты), смесь меда и натрона (препятствующая движению сперматозоидов) [33, с. 55]. Наличие у древних египтян соответствующих знаний и предполагаемой практики контроля рождаемости (масштаб которой на сегодня оценить крайне сложно) подтверждается документально. Древнейшим свидетельством в этой сфере является Гинекологический Папирус Кахун (около 1850 г. до н. э.), три фрагмента которого содержат конкретные рецепты с вышеуказанными компонентами, предназначенными для предотвращения зачатия [36]. В более позднем древнеегипетском медицинском трактате, папирусе Эберса (1760 до н. э.), уже имеются указания, как прервать беременность [37]. Однако, наличие абортивной практики в рассматриваемый период, как и ее возможные масштабы, пока оставляют для исследователей больше загадок, чем ответов.

Высокая ценность семьи и деторождения была характерна и для шумерской культуры. Так, в Поучении Шуруппака (примерно 2600–2500 гг. до н. э.), относимом к шумерской культуре, мы встречаем апологетику семейного образа жизни и свидетельства, доминирующего в древнем обществе пронатализма. Автор этого поучения четко транслирует потомству социально одобряемые наставления, связанные с обзаведени-

ем семьей: “Имущий хорошо устроен. Имущий дает неимущему полбу. Женатый хорошо устроен. Неженатый спит на соломе” [38]. В этом же тексте имеются прямые наставления автора по вопросам деторождения и сохранения семьи: «Повитуху ищи на дворе постоялом»; «Супругу из дома не удаляй, голоса на нее не возвышай. Место, откуда изгнали супругу, – погибло» [38, с. 308].

Однако, разводы у шумеров все-таки практиковались и основной причиной для этого служило бесплодие жены. Если она не могла рожать детей или была серьезно больна, брак мог быть расторгнут [39]. При бесплодии супруги, муж мог отослать её в дом родителей вместе с приданым и выплатой денежной компенсации или взять в дом вторую жену [40]. В данном случае причинная сторона допустимости развода убедительно указывает на высокую ценность деторождения в шумерском обществе.

Если Древний Египет, не оставил нам сводов законов [41], то культурно-правовое наследие Шумера позволяет нам исследовать нормативно-правовые аспекты политики народонаселения уже на этапе её зарождения. Так, элементы семейно-демографической политики находят своё отражение уже в первых правовых памятниках (источниках) древней Месопотамии.

Уже в первом в истории человечества крупном писаном судебнике, «Кодексе Ур-Наммы» (ок. 2104–2095 гг. до н. э.), в основном тематическом содержании мы встречаем правовые положения, направленные на охрану беременных женщин и брачно-семейные нормы, в том числе правила развода, порядок наследования и наказания за сексуальные преступления, в частности за прелюбодеяние [42].

Ещё одним старейшим свидетельством, которому присущ законодательный характер в рассматриваемой сфере, являются «Реформы Урука-

гины» (*Уруинимгина*) (XXIV в. до н. э.). Данного правителя египтолог С. Крамер считает первым социальным реформатором в истории [43]. Как следует из повествований очевидцев, если ранее (до прихода к власти Уруагины) при разводе с женой, ишакку (верховный жрец) получал от мужа пять шекелей, а его визирь – один шекель, то по итогам социальных реформ процедура развода становилась для супругов, желающих расторгнуть брак полностью бесплатной [43, с. 60-61]. При этом, как указывает шумеролог М. И. Дьяконов, при Уруинимгине в рамках мер, направленных на борьбу с пережитками родового строя была также запрещена полиандрия (брак женщины одновременно с несколькими мужчинами) под страхом смертной казни для женщины [44]. Иными словами, в указанный период четко прослеживаются государственные меры, оказывающие прямое влияние на фундаментальные условия демографического воспроизводства населения.

В более позднем шумерском правовом своде, известном под названием «Кодекс Липит-Иштара» (1935 – 1924 до н. э.), элементы семейно-демографической политики представлены весьма объемно и, на наш взгляд, ввиду определённой системности изложения, могут, в некотором смысле, претендовать на аналогии с современным семейным правом. Более четверти из сохранившихся положений данного документа имеют прямое отношение к брачно-семейным и детско-родительским отношениям, а также к вопросам семейного наследования. Особого внимания заслуживает правовое установление, раскрывающее важность и значение продолжения рода в рассматриваемый период: «Если жена человека не родила ему детей, (а) гетера (с) публичной площади родила ему детей, он должен обеспечить гетеру зерном, маслом и одеждой; дети, которых родила ему гетера, станут его наследниками, но, покуда жива его жена, гетера не может проживать

в доме с его женой.» [45]. В данном случае закон отражал силу стремления жителей древнего Шумера любой ценой произвести потомство, а также модели социально одобряемых демографических (репродуктивных) стандартов, что в свою очередь благоприятствовало демографическому воспроизводству населения.

Законы Хаммурапи как уникальный нормативный прецедент реализации комплексной государственной политики народонаселения

Кодекс Липит-Иштара предварял собой более известный и структурированный древневавилонский правовой свод, получивший название «Законы Хаммурапи» (1755 – 1752 до н. э.). Содержание документа [46] свидетельствует о сложившейся к тому моменту своеобразной модели семейно-демографической политики и семейного права, как отдельной законодательной отрасли. Согласно указанному правовому источнику, брак приобретал сугубо договорной характер – женой признавалась только та женщина, с которой её муж заключил брачный договор. Кроме того, Законы Хаммурапи вводили жесткое наказание (смертная казнь) за женскую измену, изнасилование девственниц, за физическую агрессию сына к отцу и за воровство чужих детей. Также документ содержал строгие наказания за совершение инцеста и «снохачества». В нем отдельно прописаны условия для повторных браков и некоторые аспекты усыновления детей.

Особое значение в Законах Хаммурапи уделялось вопросам репродукции: в случае бесплодия супруги муж имел законное право, как оставить свою жену, так и зачать детей от рабыни (с согласия супруги) или привести в дом наложницу. При этом, материнство и детство защищалось законом, начиная с внутриутробной стадии и предусматривало наказание за причинение вреда

беременной (выкидыша), налагая на виновника определенные санкции в зависимости от статуса пострадавшей женщины и степени нанесенного вреда. Самое строгое наказание в этом случае предусматривалось за нанесение побоев беременной дочери полноправного человека, если они привели к смерти матери и плода. За такой проступок, по древнему принципу талиона (эквивалентности возмездия) подлежала убийству дочь виновника.

Основаниями для развода, по Законам Хаммурапи, кроме бесплодия жены, выступали несогласие жены жить со своим мужем, разорение супругой своего дома, унижение женой своего мужа или проявление к нему чувства ненависти. Одним из ключевых аспектов в части регулирования брачно-семейных и детско-родительских отношений в документе, наряду с продолжением рода, выступают вопросы семейного наследования.

Изначальная структура Законов Хаммурапи предполагает 282 параграфа, однако 24 из них не сохранились до наших дней. 77 параграфов (около 30%) из 258 уцелевших посвящены семейно-брачным, детско-родительским и демографическим аспектам, что отражает высокую степень государственного внимания в т. ч. к вопросам рождаемости и воспроизводства населения.

Важность Законов Хаммурапи для последующего развития семейного права и политики народонаселения, как в национальном, так и в международном масштабе поистине сложно переоценить. Этот исторический источник, пожалуй, является апофеозом политико-правовой культуры своего времени. Его содержание определило развитие всей правовой и политической мысли Древнего Востока на многие последующие столетия и, на наш взгляд, по своему значению сопоставимо с источниками права Древнего Рима.

По мнению юристов, семья в Кодексе Хаммурапи является основой не только хозяйственной, материальной мощи государства, но и его политической стабильности и безопасности. Семейное право древнего Вавилона представляется не только вполне сложившимся, но и достаточно развитым. Публичная власть в лице царя рассматривала семью в качестве источника материальной силы государства и отводила ей подобающее место в нормативном регулировании [47].

Между тем, будучи признанными в качестве одного из первичных источников семейного и других отраслей права, Законы Хаммурапи, как и другие приведенные нами источники, до сих пор несправедливо недооценены как нормативный образец демографической политики. Возвращаясь к началу данной статьи, особо укажем на то, что, учитывая уровень позиционирования, системность изложения, степень продуманности и глубину правового регулирования, древнешумерские своды законов и иные, приведенные выше источники, незаслуженно и необоснованно игнорируются в учебной и научной литературе по демографии и демографической политике.

Абсолютно очевидно, что, к примеру Законы Хаммурапи, нельзя ставить в один ряд с воззрениями Конфуция и древнегреческих философов (Сократ, Платона, Аристотеля). Последние представляли собой лишь философские концепции и к тому же носили характер социальной утопии, в то время как указанный свод законов Древнего Вавилона, наряду с иными представленными в статье источниками, содержит конкретные меры политики в области населения, направленные на регуляцию матримониального и репродуктивного поведения.

Заключение

Таким образом, по итогам представленного исследования содержания древнейших источников,

выступающих первыми из известных истории образцов нормативного регулирования демографического (брачно-семейного и репродуктивного) поведения можно констатировать, что *еще на заре появления государственности в человеческих цивилизациях зародилась и получила дальнейшее развитие разновидность политики, которую сегодня, исходя из её воздействия на режим воспроизводства населения, справедливо отнести к политике народонаселения (демографической политике).*

Опираясь на свидетельства очевидцев, произведения искусства, утверждения античных авторов (поэтов и историков), поучения, трактаты, своды (кодексы) законов и другие источники, было установлено, что в рассматриваемый период имелись сформировавшиеся нормативные регуляторы таких демографических процессов как брачность, разводимость и рождаемость.

Формационное развитие различных элементов и исторических форм семейно-демографической политики в рассматриваемый период эволюционировало от сакрально-синкретического уровня до системной кодификации норм, регулирующих брачно-семейное и репродуктивное поведение.

Исходя из представленных в статье фактов, мы можем уверенно утверждать об исторической синхронности процессов создания первых государств и зарождения семейно-демографической политики. Важно подчеркнуть тесную связь процесса семейно-демографической политики в древности с традиционной моралью и религиозными верованиями. Кроме того, нормативное регулирование вопросов семьи, брака и деторождения было тесно переплетено с материально-хозяйственными аспектами, доминировавшим бытовым укладом и отношениями собственности, в частности семейным наследованием.

Для политики в сфере народонаселения в древнюю эпоху (на примере исследуемых госу-

дарственных образований) был характерен высокий уровень субъекта управления в лице правителя и целый ряд принципов, дающих основания рассматривать соответствующие поведенческие нормы в качестве системных взаимосвязанных мер, направленных на определенный демографический результат. Показательно, что приводимые ниже принципы демографической политики, характерные для рассматриваемых в статье ранних цивилизаций, на наш взгляд, во многом определили направления и меры регулирования демографической динамики в широком международном контексте в последующие тысячелетия. К основным указанным принципам справедливо отнести следующие:

- *Общественный и государственный пронатализм.* Несмотря на наличие знаний о некоторых средствах контрацепции и прерывания беременности, социальные и правовые нормы носили ярко выраженный прокреативный характер, подразумевающий высокую репродуктивную активность и, соответственно, расширенное воспроизводство населения. Ценность деторождения была не только социально одобряемой, но и поощряемой государством.

- *Положительная взаимосвязь между брачностью/родительством и социальным статусом.* Брачно-семейные отношения имели важное общественное и государственное значение. Семейное положение непосредственным образом влияло на статус человека, подразумевая отрицательные последствия при сознательном отказе от брака и продолжения рода. Как на уровне традиционной морали, так и на уровне правовых регуляторов доминировала апологетика семейного образа жизни.

- *Охрана материнства и детства с момента зачатия.* Рассматриваемый период можно смело назвать эпохой трепетного отношения к личности ребенка и феномену детства как таковому.

Государство оберегало интересы ребенка, что распространялось не только на кровных детей, но и на усыновленных. При этом охрана материнства и детства выражалась в особой защите женщин-матерей, начиная с периода беременности, т. е. с самого зарождения человеческой жизни.

- *Ранняя брачность.* Ранний брачный возраст для обоих полов наряду с поощрением семейного статуса и деторождения способствовал максимальной реализации репродуктивного потенциала.

- *Моногамный характер брака.* Фактически был установлен государственный эталон семьи, что на определенных этапах сопровождалось решительной борьбой с пережитками родового строя в виде полиандрии (многомужества). Недопустимость внебрачных и сверх брачных половых связей подразумевала жесткие наказания за супружескую измену, инцест, изнасилование и т. д. В демографическом смысле поддержка моногамии создавала идеальные условия для стабильности семейной системы и воспроизводства населения.

- *Строгая семейная иерархия.* Патриархальный характер семейных отношений предполагал подчиненное положение женщин по отношению к мужчинам и детей по отношению к родителям. За грубые нарушения установленного порядка предполагались санкции. В какой-то мере доминирующее положение мужчин (мужей и отцов) компенсировалось возлагаемой на них полной ответственности. Впрочем, следует сделать оговорку, что женщины в исследуемый период имели целый ряд прав и обладали определенной степенью автономии (этот аспект выходит за рамки настоящей статьи).

- *Ограниченные основания для разводов.* Правила и порядок разводов во многом были подчинены целям соблюдения морально-нравственных

установок, заботы об уязвимых социальных категориях, соблюдения семейной иерархии и продолжению рода. Также были регламентированы повторные браки и «параллельные» половые отношения, преследующие цель продолжения рода. Иными словами, даже причины для расторжения брака включали в себя репродуктивную мотивацию.

Данные принципы регулирования присутствуют в современной демографической политике и формулируются в соответствии с нормами морали, традиций и целей развития на глобальном, региональном и национальном уровнях. Не смотря на то, что в настоящее время демографическая проблематика плотно интегрирована в список глобальных проблем человечества и во многом определяет содержание Целей в области устойчивого развития, провозглашенных ООН в 2015, по-прежнему существуют значительные различия в региональных и национальных подходах, корни которых, как в истории общественных формаций, так и в финансовых экономических и политических системах, не всегда ориентированных на успешное противостояние современным глобальным угрозам и цивилизационным кризисам, что повышает роль и ответственность международного сообщества на этом направлении.

Библиография

1. Основы теории народонаселения. Под ред. Д.И. Валентя. М., «Высшая школа», 1973. С. 28-29.
2. Демографическая политика: Опыт социалистических стран: Сб. статей/ Под редакцией А. Г. Волкова. – М.: Финансы и статистика, 1983. С. 4.
3. БЕЛОБОРОДОВ, И.И. Социальные технологии формирования семейно-демографической политики в России в условиях демографического кризиса: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08 / Белобородов Игорь Иванович. - М., 2008. С. 18.

4. МЕДКОВ, В.М. Демография: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. С. 194, 199. URL: <https://kingmed.info/media/book/3/2863.pdf> (дата посещения: 25.08.2021)
5. ЛАРМИН, О.В. Методологические проблемы изучения народонаселения М: Статистика, 1975. С. 234.
6. Демография: учеб. пособие / А.И. Щербаков, М.Г. Мдинарадзе, А.Д. Назаров, Е.А. Назарова; под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора А.И. Щербакова. – М.: ИНФРА-М, 2017. С. 13 – 14, 143.
7. Демография : учеб.-метод. пособие / Н. Л. Антонова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2014. С. 108.
8. Демографическая энциклопедия. / Редколл: Ткаченко А. А., Аношкин А. В., М. Б. Денисенко и др. - М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. С. 212.
9. РУМЯНЦЕВА, Е.Е. Демографическая политика // Большая российская энциклопедия. Том 8. Москва, 2007, с. 503.
10. Экономика народонаселения: Учебник / Под ред. проф. В. А. Ионцева. – М.: ИНФРА-М, 2007. С. 524.
11. United Nations. International Transmission of Population Policy Experience: Proceedings of the Expert Group Meeting on the International Transmission of Population Policy Experience (report). New York, 01 January 1990. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-transmission-population-policy-experience-proceedings-expert-group-meeting> (дата посещения: 25.08.2021).
12. United Nations. Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). World Population Policies 2019 (ST/ESA/SER.A/442). URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesapd_rep_world_population_policies_2019.pdf (дата посещения: 25.08.2021).
13. United Nations Population Fund. Programme of Action adopted at the International Conference on Population and Development Cairo, 5–13 September 1994. 20th Anniversary Edition, 2014. P. 6, 8, 12, 13 URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/programme_of_action_Web%20ENGLISH.pdf (дата посещения: 25.08.2021).
14. Организация Объединенных Наций. Всемирный день народонаселения 11 июля. Мировая демографическая политика (2019 год) URL: <https://www.un.org/ru/observances/world-population-day/resources> (дата посещения: 25.08.2021).
15. Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Комиссия по народонаселению и развитию. Пятдесят четвертая сессия 19–23 апреля 2021 года. Осуществление программы и ход работы в области народонаселения в 2020 году: Отдел народонаселения, Департамент по экономическим и социальным вопросам. Доклад Генерального секретаря. E/CN.9/2021/5. С. 10 URL: <https://undocs.org/ru/E/CN.9/2021/5> (дата посещения: 25.08.2021).
16. КЛУПТ, М. Демография регионов Земли. – СПб.: Питер, 2008. С. 311.
17. БОРИСОВ, В.А. «Семейно- демографическая политика: цели и средства». Институт семьи и собственности. Рабочие тетради № 3. – М., 1999. С. 64-65.
18. Population Reference Bureau. Glossary of Demographic Terms URL: <https://www.prb.org/resources/glossary/> (дата посещения: 25.08.2021).
19. Демография: Учебник для вузов / Под ред. Н. А. Волгина, Л. Л. Рыбаковского. – М.: Логос, 2005. С. 212.
20. ПРЕССА, Р. Народонаселение и его изучение (Пер. с франц.). – М.: «Статистика», 1966. С. 328.
21. АЧАДИ, Д. Предмет, метод и содержание демографии. – В кн.: Теоретические проблемы демографии. – М., 1967. С 21.
22. ВОРОНЦОВ, А.В. Демография: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / А.В. Воронцов, М. Б. Глогов. – М.: Издательство Юрайт, 2016. С.15.
23. Демографическая энциклопедия. / Редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., М.Б. Денисенко и др. - М.: ООО “Издательство “Энциклопедия”, 2013. С. 213.
24. АКОПЯН, Е.А. Зарождение и становление де-

мографической политики как социального явления. Социология и право. 2017. С. 45.

25. МАСАЛОВ, А.А. Демографическая политика: теоретические подходы к определению // Социально-гуманитарные знания. 2014. №6. С. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-politika-teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu> (дата посещения: 25.08.2021).

26. NEURATH, P. From Malthus to the Club of Rome and Back. Armonk (N.Y.), L. 1994. P. 6.

27. ЭРМАН, А. Жизнь в Древнем Египте / А. Эрман – «Центрполиграф», 2008 г. С. 16, 22.

28. ШЕВЧЕНКО, М.В. Брачно-семейные отношения в художественных памятниках Древнего Египта. // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 4(49). С. 26.

29. ДЖАРМАН, О.А., МИКИРТИЧАН, Г.Л. Статус и отношение к ребенку в Древнем Египте. // Российский педиатрический журнал. 2014. № 5. С. 54.

30. Культура древнего Египта. Отв. редактор И. С. Кацнельсон. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. С. 289.

31. ВЕРКУТТЕР, Ж. Египет и долина Нила. Т. 1: С древнейших времен до конца Древнего царства. 12 000-2000 гг. до н. э. / перев. с фр. Н.Ю. Живловой; науч. ред. И.В. Богданов. – СПб.: Нестор-История, 2015. С. 54, 55.

32. ПОУЧЕНИЕ ПТАХХОТЕПА (комментированный перевод* текста папируса Присс). По изданиям: Žaba Z. Les Maximes de Ptahhotep. Prague, 1956; Sethe K. Aegyptische Lesestücke zum Gebrauch im akademischen Unterricht. Texte des Mittleren Reiches. Leipzig, 1924. Интернет-источник: Социальная сеть ВКонтакте. Сообщество «Загадочный Древний Египет». URL: https://vk.com/wall-43969312_31836 (дата посещения: 26.08.2021).

33. ДЖАРМАН, О.А. Статус женщины в Древнем Египте // Медицина и организация здравоохранения. 2017. №1. С. 50 – 51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-zhenshchiny-v-drevnem-egipte> (дата посещения: 26.08.2021).

34. The University of Chicago Library. Digital Collections.. Ancient Egyptian Society and Family Life by Douglas J. Brewer | Emily Teeter. This seminar is

extracted from Chapter 7 of Egypt and the Egyptians, Cambridge University Press, 2001. Copyright Douglas J. Brewer and Emily Teeter 1999. URL: <https://fathom.lib.uchicago.edu/2/21701778/> (дата посещения: 26.08.2021).

35. ХАПРОВА, А.В. Древнеегипетские «Письма к мертвым» древней традиции как явление египетской культуры Первого переходного периода (XXII–XXI вв. до н. э.) // Вопросы студенческой науки. Выпуск №6 (46), июнь 2020. С. 315. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevneegipetskie-pisma-k-mertryvm-drevney-traditsii-kak-yavlenie-egipetskoj-kultury-pervogo-perehodnogo-perioda> (дата посещения: 26.08.2021).

36. StMU History Media. Mariah Cavanaugh. Pleasure vs. Procreation: Egyptian Women Take Control of Their Sexuality. Academic Explanatory, African and African American Studies, Cultural History, Explanatory Article, Gender Studies, Pre-Classical History (to 600 BCE), Social History, World History. October 2, 2017. URL: <https://stmuhistorymedia.org/pleasure-vs-procreation-egyptian-women-take-control-of-their-sexuality/> (дата посещения: 26.08.2021).

37. БАРАНОВ, А.Н., САННИКОВ, А.Л., СИЗЮХИНА, Н.Н. Аборт: междисциплинарный взгляд // Экология человека. 2006. №6. С. 49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abort-mezhdistsiplinarnyy-vzglyad> (дата посещения: 26.08.2021).

38. От начала начал. Антология шумерской поэзии. Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С. 306–307.

39. ЗАЙЦЕВ, А., ЛАПТЕВА, В., ПОРЬЯЗ, А.З. Мировая культура: Шумерское царство. Вавилон и Ассирия. Древний Египет. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 71.

40. БЕЛИЦКИЙ, М Шумеры. Забытый мир. Zapomniany. Swiat Sumerow. Серия: Тайны древних цивилизаций. Издательство: Вече, 2000 г. С. 293.

41. Культура древнего Египта. Отв. редактор И. С. Кацнельсон. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. С. 279.

42. ТРИКОЗ, Е.Н. «Кодекс Ур-Наммы»: особенности шумерской правовой традиции // Правоведение. 2013. №1 (306). С. 225, 236 URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/kodeks-ur-nammy-osobennosti-shumerskoj-pravovoy-traditsii (дата посещения: 26.08.2021).

43. КРАМЕР, С.Н. История начинается в Шумере / Под ред. и с предисл. В.В. Струве; Пер. Ф.Л. Мендельсона. М.: Наука, 1965. С. 58.

44. Древние цивилизации. От Египта до Китая: Вестник древней истории, 1937-1997. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. Составители: А.И. Павловская (руководитель), В.А. Головина, С.Г. Карпюк, И.С. Клочков, Е.В. Ляпустина, С.Ю. Сапрыкин. С. 376.

45. КРАМЕР, С. Шумеры. Первая цивилизация на

Земле / Пер. с англ. А.В. Милосердовой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. С. 377.

46. Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Законы вавилонского царя Хаммурапи. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/hammurap.htm> (дата посещения: 18.07.21).

47. КАРПЕНКО, К.В. О некоторых особенностях семейных отношений по законам Хаммурапи // Вестник МГИМО. 2012. №5. С. 172, 173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-semeynyh-otnosheniy-po-zakonom-hammurapi> (дата посещения: 26.08.2021).